

Источник: Комсомолец
Дата выпуска: 10-15.01.1985
Заглавие: Жизнь их не развела
Автор: Ю. Немиров

«Дорогой мой земляк Александр Леонидович...»

Глава из книги

Незадолго до Великой Отечественной войны Кукрыниксы сделали цикл портретов мастеров Художественного театра. По воспоминаниям Н. Соколова, кто-то из трех художников - соавторов обратил внимание, что в чертах лица Александра Леонидовича Вишневого, да и других его товарищей по сцене есть сходство с К. С. Станиславским. И Вишневский, согласившись, в ответ сказал: «Вероятно, это потому, что мы с Константином Сергеевичем вместе работали более тридцати лет. Это понятно. У нас в Таганроге, когда мы с Антоном Павловичем Чеховым учились в гимназии, был водовоз, он работал с одной ключей двадцать лет, так они до смешного были друг на друга похожи!..»

Вишневский пережил Чехова почти на сорок лет и оставил о нем интересные воспоминания. В письмах Антона Павловича Александр Леонидович упоминается часто. Самому Вишневскому было адресовано тридцать шесть чеховских писем, и это, конечно, говорит об их духовной близости. Дружба началась с гимназических времен, но одноклассниками они не были. Александр Вишневский учился вместе с Иваном Чеховым и был моложе будущего писателя на год.

Книга А. Л. Вишневого «Клочки воспоминаний» (1928) малоизвестна. Первое, на что обращаешь внимание, читая ее, это — привязанность автора к родному городу, исповедальность манеры рассказчика:

«Родился я в Таганроге. Это был очень красивый портовый город, жители которого, отличаясь американским размахом в торговле, в то же время, как настоящие южане, страстно любили театр...

У нас на юге все артисты. Конечно, не в буквальном смысле этого слова. С малых лет я чувствовал большое призвание к сцене. Будучи учеником 3-го класса гимназии, я устраивал домашние спектакли с моими товарищами, среди которых были братья Чеховы...»

Гимназистом старших классов Александр Вишневецкий (это была его настоящая фамилия) играл рядом со взрослыми любителями в спектаклях музыкально - драматического кружка. Как-то ему была поручена роль Жадова в пьесе А. Островского «Доходное место». Режиссер предложил юному партнеру эту фамилию как сценический псевдоним, с которым Александр Леонидович и вошел в историю Художественного театра, где ему посчастливилось работать рядом с Качаловым, Книппер-Чеховой, Москвиным...

Вишневский в письмах Чехову столь часто обращался к их общей гимназической поре, что Антон Павлович с некоторой долей раздражения однажды обмолвился: «Кстати, в «Чайке» играет... наш таганрогский Вишневский, который надоел мне постоянными напоминаниями о Крамсакове, Овсянникове и проч.» (из письма П. Ф. Иорданову). Но Чехов и сам не упускал случая, обмениваясь письмами с актером, по самым разным поводам вспоминать Таганрог и гимназию: «Думал ли Крамсаков, что я буду писать пьесы, что Вы будете артистом?!», «Нового ничего нет, все старо, как А. Ф. Дьяконов». «...Посылаю сей таганрогский вид, — писал Антон Павлович Вишневскому из Ялты. — Да умилился сердце Ваше!» И подписался: «Друг детства, ученик Таганрогской гимназии А. Чехов».

О гимназических преподавателях в книге актера рассказывается все с той же позиции фанатичного поклонника сцены: «Доставалось еще нам за наши театральные увлечения от учителя географии и естественной истории Крамсакова Ивана Федоровича. Крамсаков ниче-

го не признавал, кроме своей географической и естественной истории, и постоянно выговаривал нам: «Зачем ты ходишь в театр? Сиди дома, учи уроки!»

Беззаветно влюбленный в свою «малую родину», Чехов однажды, сказал Вишневскому: «Послушайте, ведь Таганрог - это же первый город. Все талантливые люди из Таганрога» («Ключки воспоминаний»), а написал однажды вот о чем: «Сегодня я видел Богораза, таганрогского; он живет в Петербурге, занимается стихотворчеством. Как много великих людей вышло из Таганрога!»

О том, как началась служба А. Вишневского в Художественном театре, мы можем судить по воспоминаниям Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. Обратимся же к тем их страницам, которые посвящены рассказу о репетициях сподвижников К. Станиславского и В. Немировича - Данченко летом 1898 года в подмосковном селе Пушкино.

«Наша рабочая каждодневная жизнь, — писала Ольга Леонардовна, — всколыхнулась приездом М. Л. Роксановой и А. Л. Вишневского... — актера уже с именем, много игравшего в провинции. Мы боялись его: какой он, кто он, почему он пришел к нам, в никому не известный театр? И вот появляется Александр Леонидович «крупный, видный, красивый, с открытым лицом, блестящими глазами и великолепными зубами. Знакомимся. Он взволнованно пожимает нам руки, какой-то сияющий. С первых же дней мы перестали его бояться. Он как-то сумел просто, с открытой душой (в нем было много детского, непосредственного) расположить нас к себе, горячо принялся за работу...»

Тогда шли репетиции трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и чеховской «Чайки», премьеры которой прошла, как телеграфировал В. И. Немирович-Данченко автору в Ялту, с «успехом колоссальным». Это было 17 декабря 1898 года, а две недели спустя Антон Павлович писал еще одному бывшему таганрожцу — П. Сергеенко: «Вишневский — симпатичный малый. Не находишь ли ты? И кто бы мог когда-то подумать, что из Вишневского, двоешника и безобедника, выйдет актер, который будет играть в Художественном театре в пьесе другого двоешника и безобедника». Чехов незамедлительно высказал артисту дорогие для него слова поддержки: «...Пришло письмо от Владимира Ивановича (Немировича - Данченко — Ю. Н.), и я уразумел, как в самом деле Вы хорошо играли и какая, в сущности, нелепость, что меня нет в Москве. Когда и где я увижу «Чайку»? Крепко жму Вашу РУ-КУ».

Трудно сказать, знал ли Вишневский, что назначение его на роль доктора Дорна произошло по совету Чехова. «Ты пишешь, что еще не порешил насчет Сорина и Дорна... Дорна чудесно бы сыграл Вишневский...» — советовал драматург в письме В. И. Немировичу - Данченко.

Какие роли поручались А. Л. Вишневскому за те долгие годы, в течение которых он служил в Художественном театре? Его дебютом был Борис Годунов («Царь Федор Иоаннович»), Из Шекспира Вишневский играл Антония в трагедии «Юлий Цезарь» из Островского — Мизгиря в «Снегурочке». А князь Тугоуховский («Горе от ума» А. Грибоедова), полицмейстер («Мертвые души» Н. Гоголя), председатель суда («Воскресение» Л. Толстого) — персонажи далеко не главные, но в каждом из них ощущалась та высота, на которую поднимался в свое время актер, создавая чеховские образы. Вишневский с полным правом мог применительно к себе повторить слова Антона Павловича: «...Благодарю небо, что, плывя по житейскому морю, я, наконец, попал на такой чудесный остров, как Художественный театр».

Звездным часом Вишневского стала работа над ролью Ивана Петровича Войницкого. Чехов, посмотрев весной 1899 г репетиции двух актов «Дяди Вани», остался очень доволен актерами и в письме, отправленном старому товарищу - артисту четыре месяца спустя из Ялты, выражал уверенность в успехе: «...Поздравляю от всей души... Как мне горько и обидно, что я не могу быть со всеми Вами...»

Предсказание удачи сбылось. Более двадцати лет продержался спектакль в репертуаре, он «стал известен в России, Европе и Америке» (К. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве»). Но поначалу, как это нередко бывает, участникам спектакля казалось, что их ждет неминуемый провал. И все-таки каждый верил: не может не получиться!.. Да и как мог-

ло быть иначе, если столько труда талантливых, одержимых людей было вложено в спектакль.

Вспомним, к примеру, такую деталь. По описанию людей, видевших «Дядю Ваню» на сцене Художественного театра, в финальной картине, когда Войницкий и Соня, проводив гостей, остаются одни и принимаются за бухгалтерские счета по имению, слышался странный звук — это был сверчок, «от которого, — писала Мария Павловна Чехова, — на душе становилось скучно, тоскливо...». Она жена страниц книги «Из далекого прошлого» вспоминала: «Я узнала и потом сообщила Антону Павловичу, что А. Л. Вишневский, чтобы изучить верещание сверчка, в продолжение целого месяца каждый день ходил в бани. В результате сверчок верещал в «Дяде Ване» как настоящий».

Несомненно, Вишневский нравился Чехову своей обязательностью и основательностью в любых житейских делах. Не случайно именно Александр Леонидович был направлен в Крым раньше всей труппы Художественного театра: только он мог предусмотреть организационные сложности кратковременных гастролей в Ялте и Севастополе, не вовлекая в эти проблемы больного Антона Павловича (март 1900 года). А позднее, более двух лет спустя, Чехов писал актеру: «Доходят слухи о Вашей деятельности в качестве заведующего хозяйственной частью; все хвалят Вас, в восторге».

Немало восторженных слов довелось, конечно, выслушать Вишневскому по поводу его основной деятельности — актерской. «...Слышал от многих людей, что 39^е представление «Дяди Вани» прошло поразительно хорошо, — писал А. М. Горький А. П. Чехову из Нижнего Новгорода. — Говорят, Вишневский играл без крика и шума и так, что Лужский в сцене с ним побледнел со страха, а потом заплакал от радости. И плакала публика, и актеры. Мне, наконец, хочется переехать в Москву ради этого театра...»

«Дядю Ваню» посмотрел Лев Николаевич Толстой. Зная, что великий писатель сидит в губернаторской ложе, Вишневский после спектакля только в эту ложу и кланялся. А потом, когда Антон Павлович находился в Москве, он представил Вишневского Толстому. «Я от волнения забыл свою фамилию, — вспоминал Александр Леонидович. — Желая выручить меня из глупого положения, Лев Николаевич обратился ко мне ласково и с улыбкой сказал:

— Я вас знаю, вы хорошо играете дядю Ваню...».

Перечитывая письма Чехова, находишь любопытную закономерность: задумав новую пьесу, Антон Павлович делился с близкими ему людьми своим замыслом, не боясь признаться в сомнениях. Пьеса «Три сестры» еще писалась, а драматург уже предназначал Кулыгина Вишневскому: «Для Вас przygotowляю роль инспектора гимназии, мужа одной из сестер. Вы будете в форменном сюртуке и с орденом на шее». Этому же адресату некоторое время спустя сообщалось: «Пьесу я написал, уже написал много, но пока я не в Москве, судить о ней не могу. Быть может, выходит у меня не пьеса, а скучная крымская чепуха. Называется она «Три сестры» (как Вам известно)...»

Кулыгин, каким он получился в спектакле, порадовал даже Немировича-Данченко, который отличался особой строгостью суждений. Он написал Чехову в Крым: «Вишневский играет самого себя без всяких прикрас, приносит большую жертву и потому хорош». Наверное, Владимир Иванович имел в виду не украшавшее Александра Леонидовича чересчур почтительное отношение к власти и деньги имущим. Чехов, как мы дальше увидим, решительно не принимал этого в дорогом ему с юности человеке.

Работая над пьесой «Вишневый сад», Чехов опять — на этот раз в переписке с К. С. Станиславским — вспоминает земляка и товарища: «...В первом акте в окно видны цветущие вишни, сплошной белый сад. И дамы в белых платьях. Одним словом, Вишневский хохотать будет много — и, конечно, неизвестно, по какой причине». Тогда, в начале 1903 года, писатель не мог, разумеется, знать, что еще не законченная его пьеса принесет актеру много драматических переживаний.

Осенью того же года в письмах Чехова О. Л. Книппер Вишневский упоминается часто и по одному поводу: Антон Павлович «приготовлял», как уже было с Кулыгиным, новую для него роль в «Вишневом саде». Кланяйся Вишневскому и скажи ему, чтобы он набирался

мягкости и изящества для роли в моей пьесе»: «Скажи Вишневному, чтобы он нашел мне место акцизного. Я написал для него роль, только боюсь, что после Антония эта роль, сделанная Антоном, покажется ему неизящной, угловатой. Впрочем, играть он будет аристократа»; «Гаев — для Вишневного. Попроси Вишневного, чтобы он прислушался, как играют на бильярде, и записал бы побольше бильярдных терминов. Я не играю на бильярде или когда-то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневским мы сговоримся, и я впишу все, что нужно». Было еще одно письмо — М. П. Лилиной, где говорилось: «Когда увидите Вишневного, то скажите ему, чтобы он постарался похудеть, — это нужно для моей пьесы».

Антон Павлович не сомневался, что при распределении ролей в Художественном театре его авторские пожелания, с которыми Станиславский и Немирович - Данченко обычно считались, будут учтены и на этот раз. Но получилось иначе: роль Гаева Вишневному не дали. Его вообще не заняли в «Вишневом саде».

Что же произошло? Да ничего особенного — обычная театральная ситуация, когда на одну роль есть несколько исполнителей и руководство театра должно сделать выбор, причиняя при этом, естественно, кому-то большую обиду. Ошибка может обернуться провалом, и Немирович в конце октября 1903 года вводит Чехова в курс событий: Станиславский «готов играть то и другое», то есть Лопахина и Гаева. «Что у него лучше выйдет, то он и будет играть... "Вишневному хочется Лопахина, но это совершенно невозможно!» Возникал еще один вариант — дать Вишневному Пищика, но сразу же возразил Антон Павлович: «Храни вас создатель... Если он не будет играть Гаева, то роли другой - ему нет, так и скажи. Или вот что: не хочет ли он попробовать Лопахина? Буду писать Константину Сергеевичу...» (из письма О. Л. Книппер). В тот же день Чехов обратился к Станиславскому с предложением отдать роль Лопахина Вишневному. «Это будет не художественный Лопахин, но зато не мелкий. Лужский будет в этой роли холодным иностранцем. Леонидов сделает кулачка. При выборе актера для этой роли не надо упускать из виду, что Лопахина любила Варя, серьезная и религиозная девица; кулачка бы она не полюбила». Но о роли Лопахина для Вишневного в театре и не помышляли...

Дружба — дружбой, но за режиссурой последнее слово в распределении ролей, и драматург, уважая мнение Станиславского и Немировича, не мог и не должен был идти против них. Вишневному же чувствуя себя глубоко обиженным, прислал письмо в Ялту, и Антон Павлович решил все поставить на свои места: «Я очень просил в письмах, чтобы Вам не давали роли в «Вишневом саде», и теперь вижу, просьба моя уважена». «Скажи Вишневному, чтобы он пешком ходил побольше и не волновался», — писал Чехов Ольге Книппер. Не все, дескать, потеряно, пусть вспомнит более приятные дни!..

Александру Леонидовичу и в самом деле было что вспомнить. И кого — Дорна, Войничского, Кулыгина. А еще — скромную свадьбу Антона Павловича и Ольги Леонардовны. Точнее говоря, был торжественный обед, который в московском ресторане «Дрезден» устроил вездесущий Вишневному. Сделал он это и собрал родных и знакомых по просьбе жениха, сбежавшего сразу после венчания в Поволжье, на кумыс. Этот поступок был в стиле автора уморительно смешных свадебных рассказов!

Позади у старых товарищей были и нелегкие времена. В мае — июне 1902 года тяжело болела Ольга Леонардовна. «Вишневному оказывает мне услуги, которым цены нет», — писал Антон Павлович В. Немировичу - Данченко из Москвы. А это — из письма сестре Марии Павловне: «Вишневному выбился из сил, помогая мне: будим его и ночью, не стесняюсь». Но как бы ни был Чехов благодарен Александру Леонидовичу, откровенная ирония нередко окрашивает слова писателя, адресованные ему или людям, достаточно знавшим Вишневного и потому понимавшим писателя с полуслова.

Вот, пожалуй, самое безобидное: «Таганрогская дума избрала меня попечителем городской библиотеки. Теперь, когда будете в Таганроге, я позволю Вам переночевать в библиотеке». Или еще: «Вчера же получил письмо от Вишневного. Пишет, что на генеральной репетиции первых двух актов он был великолепен» (из письма О. Книппер, Ницца). Шел за-

ключительный этап работы над «Тремя сестрами», и Вишневский — Кулыгин был действительно хорош, но вряд ли так уж «бледнели» рядом с ним Станиславский — Вершинин или Качалов — Тузенбах... А тут даже Чехов, знавший за приятелем редкостное актерское тщеславие, немного растерялся: «...Вишневский прислал фотографии, снимки «Чайки». Из семи карточек пять изображают самого Вишневского)...». Это — фрагмент письма Марии Павловне Чеховой из Ялты.

Все это, впрочем, выглядело вполне простительно, но были у Александра Леонидовича и такие черты характера, которые даже в полушутливом чеховском изображении вызывают некоторую неприязнь. «Если заказывать шубу, то, пожалуй, без Вишневского, — писал Антон Павлович жене. — Этот так важно держится в магазинах, что дерут всегда втридорога...» А вспоминая дни, проведенные с Книппер в подмосковном имении М. Якунчиковой, Антон Павлович делился с Ольгой Леонардовной: «Такой безобразно праздной, нелепой, безвкусной жизни, какая там в белом доме, трудно еще встретить. Живут люди исключительно только для удовольствия — видеть у себя генерала Гордона или пройти с товарищем министра кн. Оболенским. И как не понимает этого Вишневский, взвизгивающий на этих людей снизу вверх, как на богов».

Вишневскому довелось жить в двух эпохах, разделенных Октябрьской революцией, и этот актер, ветеран мхатовской сцены, игравший, например, в пьесе советского драматурга А. Афиногенова «Страх», был мало похож на человека, которого знал Чехов. В разное время он по-разному к нему относился, но, несомненно, писатель очень скучал по Александру Леонидовичу в добровольном ялтинском заточении. «...Как Вы себя чувствуете и что новенького вообще? Вы обязаны писать мне длинные письма, так как Вы мой земляк». «Дорогой мой земляк Александр Леонидович...» «Милый Александр Леонидович, друг детства, большое Вам спасибо за письмо и афишу (к спектаклю «Дядя Ваня» — Ю. Н.). Да, афиша оригинальна...» Эти сердечные слова — в письмах Вишневскому из Крыма. А однажды Чехов буквально заманивал артиста на юг: «В Ялте уже весна совершенная, все деревья в цвету, многое отцвело (в том числе и я), солнце греет по-летнему».

А как они заботились о здоровье друг друга! С борта парохода, плывшего из Нижнего Новгорода в Казань, Антон Павлович просил Ольгу Книппер: «Вишневскому поклонись... У него температура немножко высока, он трусит и хандрит — это с непривычки» (лето 1902 года). «Вы не писали, как живете, как Ваше здоровье. Утомились?» — участливо спрашивал Чехов, прежде чем нанести жестокий, как он знал, удар: роли для Александра Леонидовича в «Вишневом саде» он просить не будет. Можно представить, как трудно дались эти строки Антону Павловичу!..

Однажды, чувствуя себя, может быть, особенно плохо, он в обычном шутливом тоне написал жене в Москву: «Если ты выйдешь за Вишневского когда-нибудь, то не по любви, а из расчета. Рассудишь, что он малый ничего себе, и выйдешь. Очевидно, он рассчитывает на то, что скоро ты овдоеешь, но скажи ему, что я назло оставлю завещание, в котором запрещаю тебе выходить замуж». Три года спустя в Москве, перед последней поездкой на немецкий курорт Баденвейлер, Антон Павлович послал Вишневскому такую записку: «Александр Леонидович, голубчик, милый, нельзя ли направить ко мне сейчас Вильсона или какого-нибудь другого хорошего массажиста? Всю ночь не спал, мучился от ревматических болей». Ответная записка была принесена немедленно: «Дорогой Антон Павлович, сейчас будет у Вас Вильсон». Но если бы искусные массажисты умели спасать обреченных на смерть!..

6 июня 1904 года Чехов отправил Вишневскому письмо из Берлина. Жить Антону Павловичу оставалось чуть больше трех недель. В Баденвейлере он напишет матери Евгении Яковлевне, сестре, таганрогскому городскому голове Иорданову и еще нескольким близким людям. «Правда ли, что в Таганроге холодно? — спросит Антон Павлович. — В Берлине холодище».

Там, в сумрачной столице Германии, родились эти, ставшие прощальными, строки, обращенные к Вишневскому: «...Ваш покорный слуга ест за десятерых, спит чудесно и вообще живет недурно. Здоровье с каждым днем все лучше и лучше... Спасибо, Вам, голубчик,

за те тысячи крупных и мелких услуг, которые Вы мне дружески оказывали, пока я был в Москве. Желаю Вам чудесного, превосходного лета.

Ваш А. Чехов».

К 100-летию Таганрогского театра из Москвы пришла телеграмма, подписанная К. Станиславским, О. Книппер-Чеховой, И. Москвиным, В. Качаловым, А. Вишневым. Весной 1935 года, то есть восемь лет спустя, когда весь читающий мир отмечал 75-летие со дня рождения Антона Павловича Чехова, в его родной город приехала большая делегация художественной интеллигенции. 26 мая в городском драматическом театре состоялся творческий вечер артистов МХАТа, подлинной героиней которого стала Ольга Леонардовна Книппер - Чехова. На том памятном для таганрожцев концерте она становилась то Аркадиной в третьем акте «Чайки», то Раневской в отрывке из «Вишневого сада», то Саррой в сцене из спектакля «Иванов». Партнерами актрисы были Николай Хмелев, Иван Москвин, Алла Тарасова, Алексей Грибов... Александр Леонидович Вишневский на этом торжестве предстал как старейшина русской театральной культуры.

В городском комитете партии, расчувствовавшись от добрых слов, услышанных в свой адрес, он сказал: «Жить в новом Таганроге — значит быть счастливым!» И не сумел сдержать слез. Здесь, в родном городе, Вишневский еще раз с нестерпимой горечью осознал, как мало отпустила судьба прожить Антону Павловичу Чехову...

Умер актер 27 февраля 1943 года в Ташкенте, куда во время войны были эвакуированы многие мхатовские мастера. Вскоре, записывая посвященные Вишневному воспоминания, О. Л. Книппер-Чехова дала Александру Леонидовичу ту высокую оценку, которую артист заслужил многолетней службой на знаменитой сцене: «Он любил театр, любил и верил в него, жил нашим молодым делом, горел каждой постановкой... Надо было видеть его иступленное, горящее лицо, когда спектакль зажигал зрительный зал».